

И. Сеченов

**Автобиографические записки
Ивана Михайловича
Сеченова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
И11

И11 **И. Сеченов**
Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова / И. Сеченов –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 198 с.

ISBN 978-5-458-59208-6

ISBN 978-5-458-59208-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ее въ какой-то женскій Суздальскій монастырь для обученія грамотѣ и женскимъ рукодѣліямъ. Поэтому въ дѣтствѣ я ее помню ничѣмъ не отличающейся съ виду отъ сосѣднихъ пожилыхъ помѣщицъ, относившихся къ ней, изъ-за ея милаго, кроткаго нрава, съ большой любовью. На ея рукахъ была обычная половина домового хозяйства; но въ семьѣ, при жизни отца, голосъ ея слышался очень рѣдко. Къ тому же и она не была ласкова къ дѣтямъ; поэтому я узналъ ее и полюбилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда по выходѣ въ отставку изъ военной службы, прожилъ болѣе полугода у нея въ деревнѣ. Въ дѣтствѣ же, больше отца и матери, я любилъ мою милую няньку «Настеньку», которую по ея лѣтамъ и положенію въ домѣ, вся прислуга величала полнымъ именемъ Настасьи Яковлевны. Она меня ласкала, водила гулять, сберегала для меня отъ обѣда лакомства, брала мою сторону въ пререканіяхъ съ сестрами и плѣняла, вѣроятно, больше всего сказками, на которыя была большая мастерица. Ложась спать, я, изъ-за сказокъ нерѣдко переселялся къ ней на постель, и когда случалось, что мѣшала ей спать, требуя повторенія рассказовъ, она—это она рассказывала мнѣ сама, когда я былъ отставнымъ офицеромъ—начинала сказку о томъ, какъ нѣкій царь, задумавъ выстроить костяной дворецъ, велѣлъ со всего царства собрать кости и положить ихъ для размочки въ воду. Съ этими словами она умолкала, а когда я спрашивалъ, что же дальше, то получалъ въ отвѣтъ: «рассказывать, батюшка, нечего—кости еще мокнуть, не размокли», чѣмъ я, по ея словамъ, и удовлетворялся.

Семья наша, по возрастамъ дѣтей, распалась на три группы. Два старшихъ брата и старшая сестра, погодки (Алексѣй, Александръ и Анна) были изъ семьи когда я еще не родился, и учились въ Ярославлѣ. Братья кончили курсъ въ Демидовскомъ лицейѣ, а сестра въ пансіонѣ. Братъевъ,—отецъ, какъ военный чело-вѣкъ и лошадиннй охотникъ,—пустилъ въ гусары; а сестру, по окончаніи ученія, вернулъ домой, гдѣ она и стала обучать третью группу, двухъ меньшійхъ сестеръ (Варвару и Серафиму) и меня грамотѣ. Въ это время два среднихъ брата (Рафаилъ и Андрей) учились внѣ дома, въ нашемъ уѣздномъ городѣ и оттуда поступили въ Казанскую гимназію. Такимъ образомъ все свое дѣтство я росъ въ деревнѣ товарищемъ двухъ младшихъ сестеръ. При жизни отца была рѣчь о томъ, чтобы и меня отдать въ Казанскую гимназію; но по его кончинѣ мать почему-то удержала меня до 12 лѣтъ

Ногайской степи, говорилъ мнѣ, что въ этихъ палестинахъ что ни татаринъ—выиг-
тый Иванъ Михайловичъ.

дома (вѣроятно рассчитывая приготовить меня дома не въ самый низшій классъ); а въ это время старшій братъ, гусарь, уже офицеръ, познакомился въ Москвѣ съ семействомъ, членомъ котораго былъ инженеръ, и узнавъ изъ его разсказовъ о выгодахъ инженерной службы и дешевизнѣ образованія, получаемаго въ Главномъ Инженерномъ училищѣ ¹⁾, настоялъ у матери, чтобы меня отдали туда. Благодаря этому, я продолжалъ учиться въ деревнѣ до 14-го года. Обстоятельство это имѣло очень важное значеніе для моей будущности—изъ всѣхъ братьевъ я одинъ выучился въ дѣтствѣ иностраннымъ языкамъ. Дѣло въ томъ, что родители не считали нужнымъ обучать имъ дома мальчиковъ, полагая, что они научатся языкамъ въ школѣ; а для дѣвочекъ считали такое обученіе необходимымъ. Съ этой цѣлью въ домъ нашемъ, за годъ до смерти отца, появилась, ради сестеръ, смолянка, Вильгельмина Константиновна Штромъ, знавшая французскій и нѣмецкій языки; и меня, уже кстати, въ придачу къ сестрамъ, отдали ей на руки.

До пріѣзда гувернатки и нѣкоторое время послѣ ея пріѣзда, меня обучалъ Законъ Божію, ариѳметикѣ, русскому и латинскому языкамъ, молодой священникъ изъ сосѣдняго села Атяшева, отличавшійся, однако, не столько потребными для учительства знаніями, сколько пріятной внѣшностью, веселымъ нравомъ и умѣньемъ держать себя въ дворянскомъ обществѣ. Насколько могу припомнить его уроки, знанія его въ ариѳметикѣ не заходили за предѣлы 4-хъ начальныхъ дѣйствій, а въ латыни учителемъ моимъ былъ не онъ, а латинская грамматика Копанскаго, такъ какъ вся моя задача заключалась въ заучиваніи преподаваемыхъ въ ней правилъ склоненія и спряженія по указанію учителя: «отъ сихъ до сихъ». Наоборотъ, ученіе языкамъ у Вильгельмины Константиновны шло очень удачно, благодаря тому, что именно грамматика была на заднемъ планѣ. Классныя занятія по языкамъ заключались въ томъ, что мы ежедневно заучивали по одному глаголу, списывая его съ книги (разумѣется послѣ того, какъ были продѣланы avoir, être, haben и sein); затѣмъ дѣлали маленькіе переводы съ иностраннаго языка на русскій и наоборотъ. Кромѣ того, съ перваго же года она заставляла насъ говорить и внѣ класса не иначе какъ на иностранныхъ діалектахъ. Это я помню по слѣдующему случаю: изъ заучиванія спряженій я узналъ, что давнопрошедшему времени во французскомъ языкѣ соответствуетъ plusqueparfait; поэтому на какой-то

¹⁾ Въ тѣ времена плата за все содержаніе воспитанника, вмѣстѣ съ ученіемъ въ теченіи 4 лѣтъ, состояла изъ единовременнаго взноса 285 р. при чемъ воспитанникъ, при выходѣ въ офицеры, получалъ даромъ всю обмундировку, за исключеніемъ сюртука и шинели.

вопросъ Вильгельмины Константиновны, требовавшей отъ меня по смыслу слова «давно», я отвѣтилъ сначала къ удивленію ея, а потомъ, когда дѣло выяснилось, къ веселому смѣху, словомъ «plusque». Какъ бы то ни было, но Вильгельмина Константиновна оказала мнѣ истинное благодѣяніе, научивъ меня обоимъ языкамъ настолько, что я не забылъ ихъ за время пребыванія въ инженерномъ училищѣ (гдѣ обученіе языкамъ было неважно) и могъ пользоваться этими знаніями во время студенчества ¹⁾.

Учился я должно быть легко, потому что меня часто отпускали изъ класса раньше сестеръ и никогда не наказывали, тогда какъ сестра Серафима сиживала нерѣдко (по обычаю, вынесенному Вильгельминой Константиновной изъ Смольнаго) въ бумажномъ колпакѣ съ надписью «за лѣность».

Къ чтенію у меня съ дѣтства была большая охота, но книгъ для дѣтскаго чтенія въ то время и въ поминѣ не было. Помню только Конька-Горбунка (почему-то въ рукописи), сокращеннаго Робинзона съ картинками и какое-то иллюстрированное изданіе священной исторіи, которое мы съ сестрой Серафимой иллюстрировали съ своей стороны, покрывая лица святыхъ красной краской, а лица библейскихъ грѣшниковъ и злодѣевъ зеленой.— Не могу не вспомнить по этому поводу, что иногда Настенька дѣлала мнѣ изъ своей косы рисовальныя кисточки. Позднѣе, вѣроятно подъ вліяніемъ одного изъ старшихъ братьевъ, Александра, скудная библиотека Теплаго Стана стала пополняться. Онъ былъ большой поклонникъ Марлинскаго, перешелъ вѣроятно поэтому тотчасъ по смерти отца изъ гусаровъ на Кавказъ линейнымъ казакомъ и считался въ семьѣ чуть не литераторомъ, потому что посылалъ съ Кавказа письма съ литературнымъ пошибомъ. Какъ бы то ни было, но у насъ завелся Пушкинъ, Жуковскій, Марлинскій, Загоскинъ и Лажечниковъ. Вѣроятно подъ вліяніемъ разговоровъ въ семьѣ, любимымъ авторомъ моимъ былъ Марлинскій, и его я прочиталъ отъ доски до доски. Знаю навѣрное, что читалъ всѣ повѣсти Пушкина, зналъ почти наизусть одну изъ его сказокъ, читалъ Руслана и Евгенія Онѣгина (изданіе съ картинками); но стихами не восхищался и должно быть предпочиталъ Пушкину Юрія Милославскаго, Ледяной домъ и Новика. Читалось все безъ руководства и указаній литературно образованнаго человѣка; поэтому перлами созданія казались мнѣ такія вещи, гдѣ героями являлись лица, совершившія какіе-либо подвиги. Моими дѣтскими любимцами были Амалатъ-

¹⁾ Незнаніе языковъ у большинства нашихъ студентовъ представляетъ большое зло. Пора бы положить ему конецъ, измѣнивъ способъ обученія языкамъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Бекъ, Мулла-Нуръ Марлинскаго и запорожець Кирша въ Юріи Милославскомъ. Впрочемъ вкусъ къ такимъ героямъ сохранился у меня и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда я познакомился съ Вальтеръ-Скоттомъ и Куперомъ. Гоголя у насъ въ деревнѣ не было; но его Мертвыя души мнѣ удалось слышать вскорѣ по ихъ выходѣ въ свѣтъ въ чтеніи большого пріятеля нашего дома, Курмышскаго судьи Павла Ильича Скоробогатова. Онъ славился умѣніемъ читать и очевидно любилъ читать въ обществѣ. По крайней мѣрѣ, каждый разъ что онъ пріѣзжалъ къ намъ, его упрашивали прочесть что-нибудь новое, и онъ охотно дѣлалъ это, привозя иногда даже съ собою литературныя новости. Такимъ образомъ въ одинъ изъ его пріѣздовъ и были прочитаны имъ Мертвыя души.

Мальчикъ я былъ очень некрасивый, черный, вихрястый и сильно изуродованный оспой¹⁾; но былъ, должно быть, не глупъ, очень веселъ и обладалъ искусствомъ подражать походкамъ и голосамъ²⁾, чѣмъ часто потѣшалъ домашнихъ и знакомыхъ. Сверстниковъ по лѣтамъ мальчиковъ не было ни въ семьяхъ знакомыхъ, ни въ дворнѣ; росъ я всю жизнь между женщинами; поэтому не было у меня ни мальчишескихъ замашекъ, ни презрѣнія къ женскому полу; притомъ же былъ обученъ правиламъ вѣжливости. На всѣхъ этихъ основаніяхъ я пользовался любовью въ семьѣ и благорасположеніемъ знакомыхъ, не исключая барынь и барышень.

Изъ знакомыхъ всего ближе стояла къ намъ семья Бориса Сергѣевича Пазухина: онъ, вдовецъ, двѣ его дочки и воспитавшая ихъ, вмѣсто матери, сестра его Прасковья Сергѣевна. Онъ былъ, сколько я знаю, единственный другъ моего отца въ тѣхъ краяхъ; много моложе его, но пережилъ отца едва ли больше чѣмъ на одинъ годъ. Видалъ я его рѣдко, потому что онъ жилъ съ семьей въ 60 верстахъ отъ насъ и наѣзжалъ въ наши края одинъ разъ въ годъ, въ началѣ ноября, къ именинамъ отца, и поселялся тогда съ своей семьей на нѣкоторое время въ сосѣднемъ съ Теплымъ Станомъ имѣніи его сестеръ, чтобы полевать съ борзыми въ нашихъ унылыхъ степныхъ палестинахъ³⁾. Въ это время онъ и бы-

1) Родители должно быть не успѣли принять мнѣ ослу. Она напала на меня на первомъ году и изуродовала меня, одного изъ всей семьи.

2) Эти заученныя въ раннемъ дѣтствѣ походки и голоса сохранились во мнѣ до сихъ поръ, до 75 лѣтъ. Я могъ бы воспроизвести ихъ и теперь.

3) Какъ ни бѣдна Россія живописными видами, но мѣстность, гдѣ я провелъ дѣтство, принадлежить, я думаю, къ наименѣе живописнымъ. — Черная, почти какъ уголь, земля, изрѣзанная въ пологихъ впадинахъ оврагами, безъ единого дерева или ручейка на версты, съ единственныи украшеніемъ рѣдкихъ рощей, видящихся на горизонтѣ въ видѣ темныхъ четырехугольниковъ. Эта часть Курмышскаго уѣзда густо заселена татарами и мордвой. Приходоу къ нашей церкви была мордовская де-

валь нашимъ гостемъ. Помню я его очень смутно и знаю только изъ разказовъ родныхъ, что это былъ изъ ряду вонъ добрый человекъ, едва ли не наиболѣе образованный изъ Курмышскихъ помѣщиковъ; не держалъ ни двори, ни придворныхъ кружевницъ и вышивальщицъ; не пользовался ни поборами съ своихъ подданныхъ, ни карательными прерогативами помѣщичьей власти. Говорили, что онъ настолько приручилъ меня къ себѣ лаской, что передъ нимъ я охотно выкладывалъ все мое искусство подражанія, и онъ много смѣялся, когда я передразнивалъ походку и говоръ его брата Александра Сергѣевича. По его смерти, Прасковья Сергѣевна переехала съ обѣими своими племянницами на постоянное жительство въ свое имѣнiе, въ двухъ верстахъ отъ Теплага Стана, и свиданія обѣихъ семей стали очень часты. Младшая племянница, Катя, была въ отца—пылкая, веселая, искренняя, немного насмѣшливая, но очень добрая и такая же вѣрная въ дружбѣ, какъ ея отецъ. Она до конца жизни оставалась самымъ близкимъ другомъ нашей семьи. Была она года на 4 старше меня, съ виду уже совсѣмъ взрослая барышня, съ милымъ и живымъ лицомъ. Относилась ко мнѣ, можетъ быть памятуя отца, очень ласково; была притомъ единственной барышней, которую я видѣлъ часто, и я въ нее влюбился. Вѣроятно, сознавалъ однако, что страсть моя покажется смѣшной и предмету, и окружающимъ; поэтому я сумѣлъ скрыть ее даже отъ сестеръ вплоть до отъѣзда изъ деревни въ Петербургъ. Иначе я былъ бы конечно осмѣянъ сестрой моей Варенькой, которая вообще любила подраживать меня и проходиться насчетъ моей красоты. Насколько сильно было это чувство, я не помню; не помню также никакихъ особенныхъ эпизодовъ этой любви; не помню даже хорошенько лица и фигуры Кати; но чувствую и въ настоящую минуту, что будь она жива, она была бы для меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ существъ на свѣтѣ, болѣе дорогимъ, чѣмъ второй предметъ моей, уже не дѣтской, любви.

Нельзя также не помянуть добрымъ словомъ семьи Филатовыхъ, съ нѣкоторыми членами которой мнѣ приходилось встрѣчаться дружески всю жизнь до самаго послѣдняго времени.

Одна половина Теплага Стана принадлежала моему отцу, а другая болѣе богатому, чѣмъ онъ, и болѣе старому годами родона-

---

рвня Мамлейка; и въ тѣ времена я имѣлъ случай видѣть въ церкви мордочекъ въ ихъ національныхъ костюмахъ: бѣлая длинная рубашка, выложенная на груди краснымъ шнуркомъ, бахромистый поясъ подъ брюхо; ожерелье изъ бѣлыхъ ракушекъ и очень уродливый головной уборъ, въ видѣ наклоненнаго впередъ полуцилиндра, съ подвѣшенными къ его основанiю пробурвленными серебряными пяточками. Теперѣ тамашняя мордва слилась съ русскими до неузнаваемости.

чальнику Филатовскаго рода, Михаилу Федоровичу. Меньшой сынъ его Николай былъ всего на годъ старше меня и мы могли бы быть, по близкому сосѣдству, товарищами дѣтства; но наши старики были, должно быть, въ контрахъ; и пока живъ былъ мой отецъ, семи наши не водили знакомства другъ съ другомъ; а въ годы, послѣ его смерти, Николая Филатова уже не было въ деревнѣ — онъ учился гдѣ-то внѣ дома и мы встрѣтились съ нимъ товарищами уже въ инженерномъ училищѣ. Старикъ Филатовъ былъ садоводъ и пчеловодъ; полевымъ хозяйствомъ совсѣмъ не занимался; всю весну и лѣто жилъ въ саду и на пчельникѣ (на осень и зиму вся семья переѣзжала въ имѣніе Пензенской губерніи); въ гости никуда не ѣздилъ; въ церковь несмотря на крайнюю набожность женской половины своей семьи, никогда не ходилъ; и по этой ли причинѣ или потому что управлявшій имѣніемъ прикащикъ изъ дворовыхъ былъ крутъ съ подчиненными, крестьяне его не долюбливали и подчасъ считали чуть не колдуномъ, потому что въ холеру 48 года (это я знаю отъ родныхъ) въ народѣ ходилъ слухъ, что ее навѣялъ на Теплый Станъ старикъ Филатовъ: его будто бы, передъ ея появленіемъ видѣли, какъ онъ намахивалъ болѣзнь на село руками. Познакомился я съ нимъ, будучи уже отставнымъ офицеромъ, когда онъ отъ старости начиналъ уже приходиться въ дѣтство и вѣроятно сталъ смѣшивать воображаемое съ дѣйствительностью; потому что, оставаясь умнымъ человѣкомъ, рассказывалъ серьезно невѣроятныя небылицы. Интересовавшагося его пчелами сосѣда онъ увѣрялъ, напримѣръ, что разъ у него отроился такой огромный рой, что привившись къ стоявшей передъ садовымъ балкономъ черемухѣ, прыгнулъ ея вѣтви къ землѣ. Садамъ своимъ онъ справедливо гордился; садъ былъ дѣйствительно чудесный; но большимъ мѣстомъ въ этомъ саду былъ небольшой почти заросшій камышомъ прудъ, въ которомъ могли водиться много-много караси и лягушки, а по его словамъ водились прежде сазаны чуть не въ аршинъ. Въ гостиной на стѣнахъ висѣли двѣ-три старыя потемнѣвшія отъ времени картины и любопытствующимъ сообщалось, что это было дѣло его рукъ, тогда какъ всѣмъ было доподлинно извѣстно, что живописью онъ никогда не занимался. Узнавши, что я имѣю намѣреніе изучать медицину, онъ рассказывалъ мнѣ, что самъ шель по французскому и нѣмецкому факультету (его собственные слова) и вдумалъ было изучать медицину; но не могъ вынести вида труповъ, за что былъ, будто бы посаженъ въ «канцыръ», такъ какъ начальство думало, что онъ притворяется. Помимо этихъ странностей, Филатовъ былъ очень умный старикъ, разсуждавшій очень здраво о текущихъ событіяхъ и лицахъ, относившійся не безъ ироніи къ вла-

стамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пріятливый и галантерейный съ дамами хозяинъ. Много позднѣе я узналъ и очень полюбилъ одного изъ его сыновей Петра Михайловича, крайне умнаго человѣка, изъ котораго могло бы выйти много хорошаго, еслибы его не засосала деревня. Очень люблю и уважаю живущую по сіе время, нѣкогда пылкую и самоотверженную дочь его Наталью Михайловну, воспитавшую племянника своего Нила Ѳедоровича Филатова, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, къ сожалѣнію такъ рано умершаго. Близокъ наконецъ съ семьей одного изъ его внуковъ Николая Александровича Крылова, о которой будетъ рѣчь много дальше.

На свѣтѣ рядомъ съ добромъ всегда живетъ зло; и рядомъ съ описанными добрыми людьми, въ 7 верстахъ отъ Тешлага Стана жила бездѣтная вдовая старуха А. П. П., бывшая въ молодости, по ея собственнымъ словамъ, большимъ аспидомъ. Въ мое дѣтство она была впрочемъ въ періодъ замаливанія грѣховъ; и я ясно помню съ какими горячими слезами она молилась по воскресеньямъ въ нашей церкви, куда была прихожанкой. Преданіе говоритъ, что сокрушаясь о грѣхахъ и своей несправимости, она пыталась было извести себя, но выбрала, какъ оказалось, несовсѣмъ подходящее средство. Думая, что человѣкъ живетъ хлѣбомъ и что безъ хлѣба вредна всякая вообще пища, особенно же жирная, она вздумала уморить себя ѣдой безъ хлѣба; но не уморила, а растолстѣла; и видя въ этомъ наказаніе Божіе за грѣхъ задуманнаго самоубійства, смирилась и стала замаливать грѣхи молитвой и добрыми дѣлами. Съ этой пѣлюю она воспитала прежде всего дочь приходившагося ей какъ-то сродни священника, выдала ее замужъ за Павла Ильича Скоробогатова, а по ея смерти воспитывала трехъ сыновей отъ этого брака. Замаливая такимъ образомъ грѣхи молодости, она не считала однако грѣхомъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, въ особенности же сѣнныхъ дѣвушекъ. Надсмотрщицей за ними у нея была экономка Екатерина Петровна Барткевичъ, вооруженная на сей предметъ шлеткой, не злая въ сущности женщина, но неукоснительно наблюдавшая за порядками, заведенными ея благотворительницей въ дѣвичьей. А къ числу такихъ порядковъ относилось между прочимъ слѣдующее правило: какъ только замѣчали, что которая нибудь изъ дѣвушекъ, не будучи замужемъ, общала быть матерью, ей стригли волосы, одѣвали въ бѣлое посконное платье и ссылали на скотный дворъ. Мужскому полу тоже не было спуска, благо станъ и становой приставъ были подъ рукой. Какъ могли уживаться въ одномъ и томъ же человѣкѣ такое отношеніе къ подчиненнымъ и истинное сокру-

шеніе о грѣхахъ, понять въ наше время очень трудно; но въ тѣ времена такое уживаніе никого не коробило—А. П. считали самовластной, подчасъ до самодурства, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинной христианкой ¹⁾). Старикки наши водили съ ней дружбу; она была даже крестной матерью моей старшей сестры и въ мое дѣтство обѣдала у насъ чуть не каждое воскресенье, отстоявъ обѣдню въ нашей церкви.

Не знаю по какой причинѣ, въ мое дѣтство у нея въ домѣ жила и считалась ея воспитанницей старшая дочь ея родственника, Ардатовскаго помѣщика В. Г. Е., дѣвочка на годъ или два моложе меня. Въ юношахъ Скоробогатовыхъ Богъ послалъ А. П. смиренниковъ, кротко переносившихъ ея самовластныя причуды; а въ этой воспитанницѣ она обрѣла зелье, какимъ вѣроятно сама была въ молодости. Достоверно извѣстно, что дѣвочкой 10 лѣтъ она потѣшалась тѣмъ, что откручивала индѣйкамъ головы. Отъ озорства ея терпѣла всего болѣе экономка Барткевичъ, и свѣдѣнія о ея подвигахъ шли отъ этой особы; да и бабушкѣ отъ нея доставалось не мало. Кроткихъ, покорныхъ Скоробогатовыхъ старуха принимала наставленіями, требованіями и выговорами; а передъ дѣвочкой въ концѣ-концовъ смирилась, считая ее ниспосланнымъ ей испытаніемъ. Озорничала эта интересная особа, по разсказамъ самой А. П., до конца ихъ совмѣстной жизни, уже взрослой дѣвчонкой, передъ тѣмъ, какъ идти подъ вѣнецъ. Стали ее одѣвать въ вѣнчальное платье—и вдругъ она объявляетъ, къ ужасу устроившей эту свадьбу А. П., что идти за жениха бабушки она не хочетъ, хотя дала ему согласіе безъ всякаго принужденія. Разумѣется упрашиванія, мольбы и слезы со стороны бабушки. Уступила, пришла въ церковь, начался обрядъ, и когда священникъ подошелъ къ ней, съ вопросомъ беретъ ли она мужа свободно, невѣста, не отвѣчая священнику, оборачиваетъ голову въ сторону бабушки и смотреть на нее съ вызывающей улыбкой. Ту бросило въ холодъ, прежде чѣмъ она отвѣтила «да». Доходили соответственные слухи и объ ея отношеніяхъ къ супругу, но я боюсь повторять эти непроверенные разсказы, хотя довѣрять имъ основаній не мало.—Озорничество она наслѣдовала отъ своего папеньки, который велъ буйную жизнь, водилъ дружбу съ татарами и цыганами, подозрѣвался въ

¹⁾ Не могу не вспомнить по этому поводу моей двоюродной сестры, Анны Дмитриевны Тулачевской, которую я время отъ времени посѣщала въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ, будучи студентомъ. Это была пожилая и настолько благочестивая дама, что жила въ Никитскомъ монастырѣ, нанявая тамъ квартиру. Она была неукоснительно убѣждена въ томъ, что мы, дворяне, происходимъ отъ Іафета, а крѣпостные—отъ Хама.

конокрадствѣ и былъ исключенъ дворянами Ардатовскаго уѣзда изъ ихъ среды. Да и со стороны ея родной бабушки по матери (не А. П., а Ст. Ѳ. Б.) была неважная кровь. — Бабушка эта продавала семьи своихъ подданныхъ врознь и вывозила, говорятъ, на продажу дѣвушекъ въ Нижній на ярмарку.

Была наконецъ въ 30 верстахъ отъ насъ и такая особа (Ф. Г. З.), которая довела своихъ подданныхъ до того, что ее удушили.

Да, это было время отжившихъ свой вѣкъ въ нашихъ захолустьяхъ современниковъ Каратаева.

Закончу свои дѣтскія воспоминанія описаніемъ слѣдующаго эпизода, которому былъ очевидцемъ. Осенью, въ молотѣбу, одному нашему крестьянину Петру Бузино попало въ ухо ячменное зерно и застряло въ ушномъ проходѣ, должно быть поперекъ, такъ глубоко, что послѣ тщетныхъ домашнихъ усилій, онъ обратился за помощью къ случившемуся у насъ какъ разъ въ это время Курмышскому уѣздному врачу Николаю Васильевичу Доброхотову. Набора съ собой у доктора не было и, по его указанію, нашъ жестяникъ согнулъ ему изъ печной проволоки щипчики съ плоско-расплюснутыми концами. Какъ ни старался бѣдный докторъ вытащить зерно такимъ инструментомъ, но конечно не могъ и придумалъ слѣдующее: свернулъ бумажную ленту въ трубку, одинъ конецъ ея вставилъ пациенту въ ухо, а другой зажегъ.

Предоставляю судить читателю, насколько процвѣтала въ тѣ времена хирургическая помощь въ нашемъ уѣздѣ; но не могу не прибавить, что бѣдному Борису Сергѣевичу Пазухину пришлось умереть безъ нея въ страшныхъ мученіяхъ отъ камня въ пузырьѣ.

Въ 1843 г. старшій братъ былъ въ образцовомъ полку въ Павловскѣ и вѣроятно заранѣе списался съ матерью, что нашелъ военнаго инженера, взявшагося приготовить меня въ полгода къ поступленію въ Инженерное училище за 1800 р. ассигнаціями. Поэтому въ началѣ 43-го года я былъ отправленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ нашей гувернанткой В. К. — она къ своей матери, а я къ капитану Костомарову на полгода невыразимо однообразной, скучной, сѣренькой жизни. Дѣло въ томъ, что учениковъ кромѣ меня у моего новаго наставника не было; человѣкъ онъ былъ не экспансивный — за все время ученья я не слышалъ отъ него ни единого ласковаго слова, но и ни единого выговора — и большую часть дня онъ былъ внѣ дома, оставляя меня въ обществѣ денщика и его супруги, на безвыходное сидѣнье или въ маленькой

отведенной мнѣ на жительство комнатѣ, или въ салонѣ деньщика—кухнѣ, такъ какъ при уходѣ капитанъ запиралъ всѣ комнаты кромѣ этихъ двухъ и соединявшаго ихъ корридора. Трудно повѣрить, что въ теченіе всего полугода (исключая воскресеніе и праздники) я выходилъ на улицу только разъ въ недѣлю, вечеромъ, въ сосѣднюю баню; и одинъ только разъ онъ сводилъ меня самъ на Невскій къ Доминику и угостилъ тамъ растегаемъ. День нашъ начинался въ столовой часмъ, за которымъ мы оба сидѣли большею частію молча; затѣмъ онъ давалъ въ теченіе часа урокъ изъ ариеметики, которую я у него дѣйствительно постигъ. Послѣ этого онъ уходилъ на службу; а меня въ полдень кормили завтракомъ, гдѣ очень часто существенную роль игралъ плохенькій сыръ Мещерскаго—вѣроятно фирма эта только что начинала тогда свою дѣятельность и не умѣла готовить лучшаго; или можетъ быть... Въ 3 часа мы садились съ капитаномъ за обѣдъ—стряпню жены деньщика. Какъ были обѣды, не помню; но изъ нихъ я вынесъ впечатлѣніе, что патронъ мой постоянно страдалъ отсутствіемъ аппетита, потому что еле притрогивался къ кушаньямъ. Послѣ обѣда онъ удалялся въ свой кабинетъ, куда я ни разу вхожъ не былъ, а часовъ въ 5 уходилъ до вечерняго чая, служившаго намъ ужиномъ. Въ 9 часовъ изъ стоявшаго въ моей комнатѣ шкафа-кровати выдвигалась постель и что происходило затѣмъ въ домѣ—не знаю. Вѣрно одно: гостей у капитана не бывало ни днемъ ни вечеромъ, и мое лежаніе въ постели всегда окружала невозмутимая тишина. Два или три раза въ недѣлю приходилъ, яко бы учить меня русскому и французскому языкамъ (нѣмецкій вѣроятно не требовался для поступленія въ училище), молодой подпоручикъ, кораблестроительный инженеръ, съ отвратительнымъ французскимъ выговоромъ. Обучение заключалось въ томъ, что онъ диктовалъ изъ книги и поправлялъ ошибки да давалъ по временамъ заучивать стихи. Въ памяти изъ его уроковъ у меня остались только: весь «Мельникъ» Пушкина, отрывокъ изъ «Ермака» Рылѣева:

Они въ ручной вступили бой,
Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ воля ихъ дубравы воютъ,
Они стопами землю роютъ.

. . . . .
. . . . .

То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся... и Ермакъ сломилъ.
Теперь ты мой, онъ возопилъ
И всё отнынѣ мнѣ подвластно.